

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Suomen kansankulttuurin kartasto. Aineellinen kulttuuri. Toimittanut Toivo Vuorela (Atlas der finnischen Folkskultur. Materielle Kultur. Herausgegeben von Toivo Vuorela). Helsinki, 1976, 151 S.

Недавно вышедший первый выпуск «Атласа финской народной культуры», посвященный материальной культуре, можно по справедливости назвать событием в этой области этнографии. В финской науке за этим трудом стоят многолетние исследования и опыт этнографического картографирования. Первые этнографические карты вошли уже в Финский атлас, изданный в 1929 г.¹ Картографирование явлений материальной и духовной культуры составляет непрерывную часть практически всех крупных этнографических исследований и статей, выходящих в Финляндии, если только материал представляет к тому возможность. Специально следует упомянуть работу Рагнар Альбак — это практически уже атлас материальной культуры финляндских шведов².

Работа над рецензируемым атласом, как упомянуто во Введении к нему, началась еще в 1937 г., но была прервана войной, и к мысли о создании этнографического и фольклорного, а в перспективе и лингвистического (диалектного и топонимического) атласов вернулись только в 1962 г.

В 1976 г. вышел первый выпуск этнографического атласа. Его ответственный редактор и составитель — известный финский этнограф Тойво Вуорела, имеющий серьезные заслуги в изучении материальной, как, впрочем, и духовной культуры финского народа и немалый опыт в этнографическом картографировании. Следует сказать, что и в данном случае он выступает в качестве не только редактора-составителя, но и автора более чем четверти всех карт атласа (22 из 84), текстов к ним, а также предпосланного ему Введения.

Всего в авторском коллективе насчитывается 20 человек. Следует сказать, что наибольший объем работ выполнен представителями старшего поколения финских этнографов: Кустаа Вилкуна (10 карт), Нийло Валонен (10 карт), Тойни-Инкери Кауконен (5 карт). Немалое участие в этой работе приняли и этнографы среднего поколения (Т.-И. Итконен, В. Антила, А. Вилкуна) и молодые специалисты.

Рассматривая атлас, хочется прежде всего отметить высокое полиграфическое качество издания и красивое его оформление. Атлас имеет большой, но удобный в употреблении формат. Хорошо расположен материал: на каждом развороте справа дана карта, а слева — текст к ней, который не превышает одной страницы.

Оглавление, названия карт и легенды к ним даны на трех языках: финском, немецком и английском, тексты даются на финском и немецком (или английском) языках. Это делает атлас доступным широким кругам специалистов.

На картографической основе показаны границы деления Финляндии на приходы (*pitäjät*) на 1910 г. и нанесены важнейшие реки и озера страны. В атлас включена также отдельная карта деления на приходы, которые обозначены цифрами, и список их названий с этой нумерацией, данный в алфавитном порядке. Кроме того, приложена та же карта на прозрачной основе, ее можно наложить на любую карту атласа, что дает возможность легко определить и уточнить географическое положение и границы распространения всех рассматриваемых явлений.

Во Введении разъяснен принцип составления карт³. В большинстве своем это, пользуясь авторской терминологией, «идеальные карты». По замыслу составителей, картографируется лишь наиболее архаичная форма рассматриваемого явления на данной территории. Более поздние варианты явления, существовавшие на этой территории, не отмечаются. Следует сказать, что такой подход в ряде случаев неизбежно связан с субъективной оценкой того, какое явление имеет право считаться более архаичным. В принципе на картах отражаются наибольшие ареалы явлений на период перед первой мировой войной. На каждую территориальную единицу — приход — наносился один знак.

Вообще явления отмечались значками, штриховкой ареалов и линиями их границ. Использовались лишь два цвета — черный и красный. Большая часть карт (48) — чисто значковые. При этом, как правило, на одной карте использовано два-три или четыре значка; лишь в одном случае число их достигает восьми (№ 37). Часто одновременно используются штриховка и значки или добавлена граница распространения. Но и при этом число обозначений невелико. Как правило, оно не превышает пяти, исключение составляет лишь последняя, 84-я карта, отражающая 12 вариантов явления. Выдержанная лаконичность карт облегчает их чтение и позволяет легко выделить ареалы даже при наиболее сложных формах распространения явлений. Это, несомненно, результат хорошо разработанной типологии, продуманного содержания карт и единой

¹ «Suomen kartasto 1925». Helsinki, 1929 (карты 23: 9—14, тексты — с. 130—145).

² R. Ahlbäck. Kulturgeografiska kartor över Svensk-Finland.— «Folklivsstudier», I. Helsingfors, 1945.

³ Более подробно о методах картографирования атласа см.: Matti Sarmela. Kansankulttuurin kartoituksesta.— «Virittäjä», 1965, № 3, с. 255—278.

целенаправленности атласа в целом — к этому вопросу мы еще вернемся ниже. Представляется, что в этом плане настоящий атлас имеет определенные преимущества перед большинством опубликованных до сих пор этнографических атласов.

Весьма существенно, что в легендах некоторых карт имеются рисунки, помогающие понять картографируемые явления. Жаль, что они приводятся далеко не всегда, даже когда это позволяет картографируемый элемент. Без рисунков человеку, недостаточно знакомому со спецификой финской народной культуры, трудно представить себе многие явления. В частности, на наш взгляд, стоило поместить рисунки в легендах таких карт, как формы рукоятей сохи (№ 7), формы планировки риги (№ 21), тем более что объяснение к знакам на последней (одна форма — это «юго-западный тип — отдельное помещение с печью» и другая — «северо-западный тип — отдельное помещение с печью») вряд ли помогает понять их различие. Желательны были бы иллюстрации на картах о клетях, в частности 27-й, где речь идет о сложных опорных конструкциях клетки, а также 28-й и 29-й, посвященных различным формам клетей с верхней галереей. То же самое можно сказать о картах типов печи (№ 36), способов припряжки саней (№ 78) и конской упряжки (№ 79), а также типов лодок (№ 84). Очень хорошие рисунки к большинству названных явлений содержит этнографический словарь Тойво Вуорела, однако он доступен только людям, владеющим финским языком⁴.

По принципу составления атлас предполагает отображение явлений лишь на один период, но там, где позволяла изученность явлений, от этого правила сделаны отступления, что, несомненно, расширяет объем информации. Так, например, карта о водяных мельницах, принадлежавших крестьянским товариществам (№ 2), отражает «средневековье» (так как имеется перепись этих мельниц от 1565 г.) и конец XVIII в., когда они начинают исчезать. Карта о смолокурении (№ 5) дает ареал промысла в середине XVII в., в середине XVIII в. и в 1900 г. Четыре периода отражены на карте о коврах — «рюйю» (№ 64) — XV, XVI и XVIII вв. и, наконец, 1800—1860 гг., когда рюйю достигают наибольшего распространения и становятся наиболее совершенными по форме. Два периода (до 1880 и 1880—1910 гг.) даны и для другой формы покрывала — ковра «тякяня», отличающегося сложной техникой изготовления (двухосновное тканье — № 66). В карте о типах серпов (№ 14) дано их распространение на 1900 и 1930 гг.

В отличие от тех атласов, которые в последнее время разрабатываются этнографами Советского Союза, в том числе и от уже опубликованного атласа «Русские», «Атлас финской народной культуры» не ставит цель показать степень распространенности явлений. Тем не менее в ряде случаев наряду с основной территорией распространения явления отмечена область его редкого или случайного распространения. Так, на карте № 2 даны три степени распространенности коллективных водяных мельниц: основная область, вторичная и область редкого распространения. Две степени распространенности даны для специфичного в Финляндии сеного сарая с наклонными стенами — широкое и редкое распространение (№ 18). Двухэтажные крестьянские дома, которые всегда были редким явлением даже на территории их традиционного распространения, показаны с учетом их числа на приход, что в целом отражает и сколько их приходится примерно на одно и то же число жителей (карта № 35). С учетом территорий, где явление отмечено как редкое или случайное, картографированы и некоторые данные, касающиеся народной пищи (№ 46 — сухой круглый хлеб с отверстием в центре, № 54 — толокно в качестве праздничного блюда, № 59 — явление мяса).

Весьма интересен и важен вопрос о тематическом подборе карт рассматриваемого атласа. Как сообщается во Введении, к моменту окончательного выбора материала для публикации в портфеле редакции было около 1000 карт, из которых 84 было отобрано для первого выпуска и 100 для второго (фольклорного).

Помещенные в атласе карты касаются различных областей материальной культуры. Разумеется, явления материальной культуры не всегда отражают только распространение какого-либо предмета. Так, например, распространение жезла старосты деревни (№ 1) отражает, прежде всего, область существования в Финляндии общественного института старост, который был связан и с определенной формой поселений, формами землепользования и землеустройства. То же самое можно сказать об уже упомянутой карте крестьянских коллективных мельниц, возникших на определенном этапе развития пахотного земледелия и связанных с определенными формами общественных отношений. Рассматривая распределение карт по различным областям материальной культуры, можно констатировать, что наибольшую группу составляют карты, относящиеся к хозяйственным занятиям населения. Но это в первую очередь земледельческие занятия — землеобрабатывающие и уборочные орудия, способы сушки сена и хлебов, орудия молотбы и веяния, инвентарь, связанный с льноводством — всего 17 карт. Кроме того, есть две карты по оленеводству (только по распространению выпасных коллективов) и одна по смолокурению. Таким образом, некоторые занятия и промыслы, в частности рыболовский, игравший в некоторых частях страны огромную роль, не вошли в атлас. Разумеется, рыболовные снасти — явление весьма специфическое, и их формы складываются в первую очередь в зависимости от пород рыб и специфики водоема, но картографирование их отразило бы все же ряд интересных явлений, в частности культурные взаимосвязи с соседними народами. Нет и карт, свя-

⁴ *Toivo Vuorela. Kansatieteen sanasto. Helsinki. 1964.*

занных с охотой, если не считать орнамента на арбалете, что не связано с самим промыслом. К области домашних промыслов относятся лишь две карты — о древнем способе плетения варежек иглой и об одном из инструментов деревообработки — перовидном сверле. Жаль, что последняя дает общий знак для всех трех изображенных на легенде разновидностей сверла. Карта, составленная в свое время А. Вийресом для Эстонии и Латвии, дала интересную картину распространения его различных форм⁵.

В целом довольно много карт (8) посвящено средствам передвижения. Хотелось бы лишь, чтобы в атласе была показана картина распространения саней западного и восточного типа, так как она могла бы составить выразительный фон для приведенных материалов о способе припряжки саней.

Обширный раздел составляют карты построек, в том числе жилища, печей и мебели — всего 20 карт. В этом разделе есть карты, которые особенно сложны по содержанию; такова, в частности, карта типов жилища (№ 34). Это многообразное и сложное явление благодаря глубоко продуманной классификации, основанной на функциональных различиях основного жилого помещения, отражено на весьма лаконичной и интересной для анализа карте. Новый материал дает большинство карт по мебели (№ 33, 34). Новые данные содержит и большинство карт довольно обширного раздела о народной пище (15 карт и 2 карты по утвари). Как показывают сами карты, данные о народной пище, которая всегда отличается большой устойчивостью, заслуживают того труда, который приходится вкладывать в картографирование этого сложного для типологии элемента материальной культуры.

На наш взгляд, слишком мал и, честно говоря, неудачен раздел о народной одежде: две карты по обуви, одна — о головных уборах и еще одна — о специфической форме пестротканых юбок.

Во Введении сказано, что выбирались карты таких явлений, которые по тематике и возрасту дали бы возможно более разностороннюю картину характера народной культуры Финляндии. Однако распределение карт по тематике нельзя считать равномерным. Рассмотрение атласа заставляет думать, что при выборе карт основное внимание было уделено несколько иной стороне вопроса: тем явлениям, которые достаточно наглядно и во всем многообразии показали бы границы культурных подобластей Финляндии. Они могли быть положены в основу отбора карт заранее, учитывая большую работу по изучению этих вопросов, которая проделана финскими этнографами.

В связи с этим нельзя не обратиться к вышедшей несколько лет назад работе Илмара Талве, которая основана на большом картографированном этнографическом материале и дает анализ культурных подобластей и их границ в Финляндии⁶. Автор рассмотрел около сотни явлений из различных областей народной культуры и проанализировал факторы, определявшие их ареалы и возникновение культурных границ на территории страны. Особых расхождений полученных им результатов с данными атласа нет, хотя в этих двух работах для картографирования привлечены в значительной мере разные явления.

По-видимому, о культурных подобластях Финляндии и их границах стоило бы сказать во Введении, а в атласе дать их карту.

В заключение остановимся на текстах к картам. В целом они представляют образец того, как следует писать, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно. Подготовка таких кратких, точных и вскрывающих суть дела текстов — большое искусство, которое, несомненно, связано с глубоким знанием предмета.

Вероятно, о некоторых научных гипотезах, нашедших отражение в текстах атласа, можно было бы и поспорить. Вряд ли, например, советские специалисты согласились бы с точкой зрения Аско Вилкуна на развитие двухъярусного дома-двора (текст к № 32) или взглядами Нийло Валонена на некоторые моменты в развитии восточной духовой печи (текст к № 36). Но обсуждение этих вопросов выходит за рамки настоящей рецензии.

В данном случае мы отметим только несколько моментов, которые вызывают у нас замечания при чтении текстов и сопоставлении их с картами. Так, например, нам кажется не совсем логичным назвать одну карту «Некоторые типы печей» (№ 36) и дать на ней восточную духовую печь и уличную печь, а на другой показывать разновидности западной печи, назвав ее «Печи с дымоходом» (№ 37). Как известно, наличие дымохода — вопрос уровня развития и для восточной (или русской) печи, к тому же ее отличия от западной не сводятся только к этому. Это и не отражает известных в литературе взглядов автора карт, дело идет о неудачном подразделении и названии явлений.

Некоторые упущения можно отметить при рассмотрении и ряда других явлений. Так, например, картографируя типы борон (№ 11, 12), автор никак не отметил хотя бы в тексте того, какой тип бороны был характерен для юго-запада страны, для ее основных районов древнего пахотного земледелия. Далее, в тексте к карте о серпах (№ 14) не говорится об изменении их ареалов в 1930-х годах. Судя по карте, в этот период изменился ареал восточного серпа, но неясно, изменился ли ареал западного серпа.

⁵ A. Viires. Eesti rahvapärane puutööndus. Tallin, 1960, рис. 35.

⁶ Ilmar Talve. Suomen kulttuurirajaista ja alueista. — «Suomalainen Tiedeakatemia esitelmät ja pöytäkirjat 1971». Helsinki, 1972, s. 185—232.

Нельзя установить также, чем косили сено в области распространения косы-стойки (№ 15), так как в тексте сказано, что она применялась лишь для уборки хлебов.

Карта о формах столов (№ 40) имеет два знака для стола с крестовидными ножками, и в тексте сообщается о двух его разновидностях, но неясно, какой из знаков к какой из них относится.

Уточнений требуют, по нашему мнению, карты о пище, что неудивительно, поскольку это особо сложный и вообще менее разработанный раздел этнографии. Так, например, карта о заварном хлебе (№ 48) отражает состав муки (чистая мука, мука с примесью солода и т. д.); в тексте же содержится описание локальных различий в способах приготовления теста — невольно хочется увидеть их на карте. Того же типа замечание вызывают карты о пирогах с рыбой. Картографируются две основные разновидности этих пирогов — восточный рыбник и западный «рыбный хлеб» — явления разного происхождения. Но текст дает сведения о трех видах рыбников с указанием территории их распространения (два карельских варианта и савоский) — этих данных на карте, к сожалению, нет (№ 49).

Некоторые вопросы остаются не совсем ясными при рассмотрении карт о толокне (№ 52, 53). Первая из них дает распространение толокна различного состава (ячменного, овсяного, смешанного), текст уделяет должное внимание и разным способам его употребления в пищу (в виде заварной каши на востоке и холодным, преимущественно с простоквашей тянущегося типа — на западе). Границы распространения этих двух форм не совсем четки, так как указывается, что второй способ относится к толокну смешанного состава и распространен там, где готовят простоквашу тянущегося типа. При этом дается отсылка на карту № 57. Однако ареалы тянущейся простокваши и смешанного толокна значительно расходятся. На карте № 53 нанесена граница распространения заварного толокна, но относится ли она к толокну вообще или только к обрядовому его употреблению, не уточнено.

Разумеется, все эти замечания касаются лишь некоторых желательных дополнений к атласу и ни в коей мере не уменьшают его ценности.

При знакомстве с «Атласом финской народной культуры» естественно возникает мысль, что советским этнографам, в первую очередь тем, кто занимается подготовкой «Историко-этнографического атласа Прибалтики», следовало бы учесть тематику финского атласа при выборе новых тем для картографирования. Картографирование таких элементов материальной культуры, как пища, транспортные средства, без сомнения, позволит сделать весьма ценные выводы. Очень интересно, в частности, сопоставление результатов картографирования этих элементов с рецензируемым атласом. Последний, несомненно, надолго станет важным источником научной информации и необходимым справочником для этнографов, занимающихся культурой финно-угорских народов и их соседей. Следует также пожелать финским коллегам успеха в завершении работы над вторым, фольклорным выпуском «Атласа финской народной культуры».

А. О. Вийрес, Н. В. Шлыгина

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Б.-Р. Логашова. Туркмены Ирана (историко-этнографическое исследование). М., 1976, 158 стр.

Советское востоковедение обладает давними традициями в изучении истории и этнографии народов Ирана. Первые труды в этой области в СССР появились еще в начале 20-х годов. В течение последних лет советские исследователи опубликовали ряд интересных монографий и статей, посвященных как общим проблемам — состоянию национального вопроса, этническим и национальным процессам, так и истории, современному положению неперсидских народов и племен Ирана¹.

Появление подобных трудов способствует более глубокому изучению современного Ирана, ибо без учета национального вопроса нельзя составить объективного представления об иранском обществе. Не случайно автор рецензии на книгу «The Land of Iran»² справедливо критикует одного из основных авторов этого издания за игнорирование этнических, религиозных и социально-культурных различий в этой многонациональной стране. Кстати, автор упомянутой рецензии обращает внимание и на то, что

¹ См. «Библиография Ирана». М., 1967, с. 104—112. См. также: М. С. Иванов. Племена Фарса кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасани. М., 1961; В. В. Трубецкой. Бахтиары. М., 1966; М. Г. Пикулин. Белуджи. М., 1959; Х. Атаев. Национально-освободительное движение в Хорасане. Ашхабад, 1963; О. Гвилава. Туркмены Ирана. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

² В. В. Fischer. The Land of Iran. Cambridge, 1968.